Колдунова Е.В.¹ ©, 2020

Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией²

Аннотация. В статье анализируются три вектора трансрегиональных отношений (АСЕАН – ЕС, АСЕАН – США, АСЕАН – Россия). Диалоговое партнерство ЕС и АСЕАН, развивающееся с конца 1970-х годов, представляет собой один из первых примеров трансрегиональных отношений между интеграционными блоками. США являются традиционным военно-политическим и экономическим партнером пяти стран – основательниц АСЕАН. На этом фоне взаимодействие России и ассоциации представляет собой относительно новое явление (Россия стала диалоговым партнером АСЕАН лишь в 1996 г.). Тем не менее, как обосновывается в представленной статье, трансрегиональные отношения АСЕАН с ее «традиционными» партнерами (ЕС и США) на данном этапе сталкиваются с рядом политэкономических, стратегических и нормативных вызовов. Эти вызовы обусловлены происходящими и потенциально возможными структурными изменениями в экономике стран ЕС, АСЕАН и США, переоценкой ЕС в качестве основной референтной модели интеграционного развития, противоречиями нормативных подходов, которых придерживаются ЕС, США и АСЕАН в международных

¹ Колдунова Екатерина Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО (У) МИД России (e.koldunova@inno.mgimo.ru).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

делах. Одним из ключевых вызовов для отношений АСЕАН и США на данном этапе также является их гипертрофированная зависимость от состояния американо-китайских отношений.

В таких условиях относительно новое по историческим меркам партнерство АСЕАН с Россией могло бы помочь в преодолении многих из этих вызовов. Его принципиальным отличием является то, что Россия и АСЕАН не взаимодействуют как донор и реципиент. Кроме того, Россия как более крупная держава не навязывает ассоциации ту или иную ролевую модель поведения. Тем не менее это партнерство пока еще требует серьезной концептуальной и практической проработки со стороны обоих упомянутых игроков.

Ключевые слова: трансрегионализм, ЕС, США, АСЕАН, Россия, «поворот на Восток».

В настоящее время составной частью комплексного усложнения международных отношений является интенсификация взаимосвязей на глобальном, региональном и трансрегиональном уровнях [The regional world order., 2019; Барановский, 2019; Братерский, 2017]. Однако их развитие – на фоне продолжающегося кризиса в сфере глобального управления, возникновения целого комплекса проблем в отношениях США и Китая, России и коллективного Запада, растущей фрагментации международных институтов – происходит асимметрично, и возникающие взаимосвязи порой оказываются в прямом противоречии друг с другом.

Об этом свидетельствуют, помимо прочего, проблемы, связанные с продвижением трансрегиональных мегапроектов – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП). В частности, ТТП при его реализации в том виде, в каком оно было согласовано в 2016 г., в политэкономическом плане грозило расколоть такой уже сложившийся региональный интеграционный блок, как Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Касательно китайской инициативы «Один пояс и один путь» также высказывались опасения, связанные с тем, что ее осуществление может противоречить принципам, нормам и порядку функционирования уже существующих интеграционных структур (например, ЕС) [Godement, Vasselier, 2017]. Аналогичные опасения вызвали американская, японская, ав-

стралийская и прочие концепции развития региона [Лавров, 2019; Ng Joel, 2018].

Одновременно подъем незападных держав (Китая, Индии, ЮАР, Бразилии, России, Турции), их стремление добиться учета своего мнения при решении глобальных и региональных проблем продемонстрировали дисфункциональность многих многосторонних институтов и привели к интенсификации в западном мире дискуссий о необходимости отстаивать либеральный «порядок, основанный на правилах» («rules-based order»), активно продвигаемый США и ЕС. Эти дискуссии выявили еще одно измерение глобальных противоречий – нормативное, проявляющееся также в специфике трансрегиональных отношений, которые стали ареной столкновения разных «нормативностей». Особо отчетливо нормативные противоречия раскрылись, например, в спорах о правилах мировой торговли между США и Китаем в рамках Всемирного экономического форума в Давосе в 2017 г. и форума АТЭС в ноябре 2018 г.

В этом контексте интересно проанализировать опыт поддержания трансрегиональных взаимосвязей, имеющийся у такого незападного коллективного игрока, как АСЕАН, активно использующего механизм диалогового партнерства с крупнейшими мировыми державами (в частности, США и Россией) и интеграционными блоками (ЕС). Достаточно длительная на данный момент история взаимоотношений АСЕАН с ЕС и США позволяет выделить целый ряд структурных особенностей этих отношений и проследить характерные реакции на вышеуказанные вызовы глобальных изменений. Отношения стратегического партнерства АСЕАН и России являются относительно новым явлением (они были установлены на саммите России и АСЕАН в Сингапуре в 2018 г.). В статье доказывается, что это партнерство потенциально может способствовать нивелированию целого ряда политических, экономических и нормативных проблем, с которыми сталкиваются АСЕАН и Россия, однако для этого потребуются его серьезная концептуализация и практическая проработка со стороны обоих партнеров.

Трансрегиональные отношения в современном мире

В 1990-е годы, после распада биполярной системы, в мировом политическом и академическом дискурсе доминировали представления о глобализации как о международном процессе, который становится первичным по отношению ко всем остальным и с течением времени будет нивелировать социально-политические и экономические различия между странами. Утверждалось, что демократия в ее либеральном варианте будет постепенно воспринята всеми странами как наиболее оптимальная форма политического режима, а рыночные экономические отношения – как наиболее эффективные с точки зрения организации хозяйственной жизни. Мирорегулирующая функция будет осуществляться либеральными глобальными институтами, в которых решающий голос будет принадлежать странам Запада, «победившим» в холодной войне [Богатуров, 2006].

На рубеже XX–XXI вв. тенденция к анализу мировых процессов через призму глобальной универсализации ключевых политических и экономических практик подверглась коррекции из-за активного формирования региональных сегментов мирового пространства и роста регионализма (в особенности в незападном мире). В большинстве регионов мира регионализм был институционально закреплён посредством качественного усложнения существующих (ЕС, АСЕАН) или появления новых региональных организаций и интеграционных объединений, не все из которых, однако, оказались в равной степени успешными.

При этом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) наблюдалась весьма разноплановая картина регионального развития. В то время как Юго-Восточная Азия стала движущей силой активной институционализации регионального взаимодействия, Северо-Восточная Азия, по-прежнему раздираемая реликтовыми конфликтами, уходящими корнями в период холодной войны, существенным образом отставала от своих юго-восточных соседей и на короткий период (до наиболее ярко выраженной фазы подъема Китая, отсчитывать которую можно с начала второго десятилетия этого века) оказалась в положении ведомой. Тем не менее Северо-Восточная Азия также демонстрировала тенденцию к росту внут-

рирегиональной взаимозависимости – в первую очередь из-за роста внутрирегиональной торговли, а также благодаря тому, что КНР постепенно выдвинулась на позиции основного торгового партнера практически всех стран региона.

Именно формирующиеся региональные комплексы, демонстрирующие все возрастающую степень взаимозависимости между внутристрановыми и общерегиональными процессами, по мнению многих исследователей, могли бы представлять прообраз мирового полицентричного порядка [Воскресенский, 2012; Панов, 2006; Acharya, 2015]. Вместе с тем оставался открытым вопрос о том, каким образом и на основе каких принципов должно складываться взаимодействие между ними. Существовавшие на тот момент академические исследования либо не рассматривали данный вопрос подробно, обращая внимание в первую очередь на достаточно изолированный характер региональных процессов (относящихся, в частности, к области «жесткой» безопасности) [Buzan, Weaver, 2003], либо акцентировали внимание на отдельных прецедентах институционализированного взаимодействия между различными региональными организациями [Кузнецов, 2016].

Исторически первым примером выстраивания трансрегиональных отношений можно считать договорные форматы Европейского экономического сообщества с рядом африканских стран. Так, например, конвенция, подписанная в 1963 г. в г. Яунде (Камерун) между ЕЭС и Ассоциацией африканских государств (18 франкофонными африканскими странами), впервые скрепила договором трансрегиональные отношения объединенной Европы и развивающихся незападных стран. Конвенция регулировала вопросы взаимных торговых преференций, экономической помощи, льготного доступа товаров из африканских стран на рынок Европейского экономического сообщества. В схожем ключе развивались отношения ЕЭС и стран Персидского залива.

В 1996 г. был создан новый формат организации трансрегиональных отношений – форум «Азия – Европа» (АСЕМ); изучению этого феномена был посвящен целый ряд значительных исследований. Несмотря на свои амбициозные цели и задачи, АСЕМ опирался в основном на растущие торговые и инвестиционные взаи-

мосвязи ЕС с новыми индустриальными странами Азиатско-Тихоокеанского региона, которые стали реципиентами трудоемких и грязных производств из развитых стран, выстраивали стратегию своего развития по модели экспортоориентированной японской экономики и, следовательно, ориентировались в первую очередь на рынки европейских стран и США.

Формат АСЕМ выявил ряд структурных проблем, связанных, в частности, с проблематичностью встраивания в трансрегиональные процессы такого типа России, которая не была частью мировых производственных цепочек, не представляла собой рынка, объем которого мог бы хотя бы частично быть сопоставим с рынками США или ЕС, однако геополитически находилась в центре евро-азиатского взаимодействия.

Для стран АСЕАН форум «Азия – Европа» стал наиболее масштабным, но не единственным форматом трансрегиональных отношений. С 1970-х годов ассоциация начала устанавливать отношения диалогового партнерства со странами, взаимодействие с которыми могло помочь АСЕАН в решении существенных для нее проблем, выходящих за рамки регионального формата, а также способствовать получению политико-стратегических и экономических выгод.

Таким образом, к концу XX в. все существующие форматы трансрегиональных отношений значительно расширились и активизировались. На рубеже веков ЕС начал выстраивать новый трансрегиональный механизм взаимодействия – Европейскую политику соседства, направленную на формирование безопасной среды по периметру ЕС, т.е. на взаимодействие ЕС и его периферии. Основные принципы этой политики, сформулированные в 2003 г., имели ярко выраженный нормативный характер. Географически упомянутый механизм был ориентирован на такие страны, как Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис и Палестинская автономия.

Конец первого десятилетия XXI в. был отмечен появлением трансрегиональных проектов нового поколения, к которым можно отнести ТТП, ТТИП и китайскую инициативу «Один пояс и один

путь». Их продвижение было связано с тем, что из всех обещаний глобализации наиболее релевантной осталась только ее торговая составляющая, которая к началу 2010-х годов приобрела гиперглобальный характер [Power shifts., 2015].

Транстихоокеанское партнерство, активно поддержанное президентом США Бараком Обамой в период его второго срока (2012–2016), по сути представляло собой попытку закрепить через мегапроекты правила и нормы политэкономического взаимодействия, соответствующие интересам США. Сверхзадача ТТП заключалась в сохранении сравнительных преимуществ структурного лидерства США путем ограничения тех выгод от гиперглобализации торговли, которые до этого получал Китай. Однако ТТИП и ТТП не были реализованы в предложенном виде, а в 2013 г. Китай выдвинул собственный трансрегиональный мегапроект «Один пояс и один путь», формально носящий характер инфраструктурного, но по сути нацеленный на закрепление тех преимуществ от гиперглобализации торговли, которые Китай получает посредством инфраструктурного обеспечения торговых маршрутов из КНР в Европу.

Ни одна из предложенных инициатив не содержала концептуальной проработки того, каким образом при реализации мегапроектов будет проходить согласование интересов «традиционных» интеграционных блоков, и не учитывала уже сложившихся особенностей региональных сегментов мира, заключающихся в воспроизводстве политических и экономических практик, характерных для внутреннего устройства стран-участниц. Более того, предложенные мегапроекты существенно интенсифицировали дискуссию о той роли, которую могут играть в их реализации малые и средние страны, оказавшиеся снова, как и в период холодной войны, перед бинарным политэкономическим и нормативным выбором.

АСЕАН – ЕС

Диалоговое партнерство АСЕАН – ЕС представляет собой один из первых примеров трансрегиональных отношений между интеграционными блоками. Его история отсчитывается с 1977 г., а институциональное оформление совершилось в 1980 г., когда

АСЕАН и Европейская комиссия подписали соответствующее соглашение. Важными вехами в развитии отношений ЕС и АСЕАН стали Нюрнбергская декларация о расширенном партнерстве (2007) и Бангкокская декларация об активизации глобального партнерства АСЕАН и ЕС ради достижения стратегических целей (2016).

При всей очевидной несхожести двух объединений в процессе становления ЕС и АСЕАН выявился также и ряд общих черт. К ним, в частности, относится выбор вектора развития через формирование региональной интеграционной повестки, а не посредством конфронтации, в том числе и в качестве реакции на внешние угрозы (в первую очередь – коммунизма).

Опыт ЕС в сфере экономической интеграции (по крайней мере, на ее начальных стадиях) вплоть до конца прошлого века служил АСЕАН отправной точкой для развития самой ассоциации. Взаимодействие по линии ЕС – АСЕАН оценивалось обеими сторонами как стратегически важное. В начале XXI в. ЕС уверенно удерживал позиции второго торгового партнера АСЕАН (после Китая) и крупнейшего инвестора.

Для ЕС АСЕАН является третьим крупнейшим торговым партнером после США и Китая [Fact sheets., 2019]. Во взаимодействии Евросоюза и АСЕАН уже несколько лет на повестке дня остается соглашение о ЗСТ на межрегиональной основе. Кроме того, ЕС активно выделяет средства для развития интеграции в рамках АСЕАН. Так, например, объем финансовой помощи Евросоюза в поддержку региональной интеграции в рамках ассоциации на период с 2014 до 2020 г. достиг 170 млн евро, что более чем в два раза превышает средства, предусмотренные для этих целей в период с 2007 по 2013 г. [Blue Book., 2018, p. 10].

Одновременно, однако, следует отметить, что в настоящее время уже выявился ряд существенных проблем, касающихся дальнейшего развития отношений АСЕАН и ЕС.

В политэкономическом плане основные вызовы связаны как с текущими, так и с потенциально возможными структурными изменениями в экономике стран Евросоюза и АСЕАН, а также с продолжающимся в Ассоциации переосмыслением ЕС как референт-

ной модели интеграционного развития. Структурные экономические изменения обусловлены современными технологическими трансформациями, последствиями четвертой промышленной революции для экономических систем обоих интеграционных блоков, а также эволюцией экологической политики Евросоюза. В этом плане показательны противоречия, возникшие между ЕС и АСЕАН в связи с планами ЕС отказаться к 2030 г. от использования пальмового масла, крупнейшими экспортерами которого являются страны АСЕАН [Ng Jefferson, 2019].

Издержки, обусловленные излишним усилением наднационального уровня управления интеграционными процессами, финансовый кризис, постигший ЕС в 2008–2009 гг., решение Великобритании о выходе из Евросоюза не только изменили восприятие ЕС как референтной модели среди стран – членов АСЕАН, но и убедили их политические элиты и экспертное сообщество в правильности выбранного пути («Путь АСЕАН»), а также в том, что более медленная реализация интеграционных задач в большей степени отвечает интересам незападных стран. Кроме того, «Путь АСЕАН» представлялся членам ассоциации более универсальным и подходящим для стран развивающегося мира, взаимодействующим с более сильными игроками [He, 2016].

Структурно-международные вызовы трансрегиональным отношениям ЕС и АСЕАН в настоящее время связаны с тем, что в условиях дальнейшего усугубления американо-китайского противостояния страны АСЕАН предпочли бы видеть ЕС в качестве силы, обеспечивающей противовес этим противоречиям. Об этом, в частности, свидетельствуют данные опроса, проведенного сингапурским Институтом исследований Юго-Восточной Азии им. Юсофа бин Исхака (ISEAS), в рамках которого 36% опрошенных экспертов позитивно оценили роль ЕС с точки зрения его возможного вклада в дело поддержания мира и безопасности на глобальном уровне (для сравнения – показатели Китая составили 17,9%, Индии – 19,6, США – 23,8, Японии – 53,5%) [The State..., 2019, p. 26–30]. Тем не менее очевидно, что ЕС едва ли будет активно вмешиваться в региональные политические дела, выступая в той роли, в какой его хотели бы видеть страны ассоциации.

Еще одна группа вызовов касается попыток ЕС экстраполировать свою «нормативную силу» на страны АСЕАН. Наиболее яркий пример – санкции, которые ЕС сохранял в отношении Мьянмы с 1991 по 2012 г. При этом в течение 15 лет из указанного временного диапазона Мьянма являлась членом АСЕАН (вступила в ассоциацию в 1997 г.). Подобные противоречия «нормативностей» связаны и с санкциями ЕС в отношении России, поддерживать которые страны ассоциации отказались.

АСЕАН – США

США являются традиционным военно-политическим и экономическим партнером стран – основательниц АСЕАН (Сингапур, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Малайзия). Отношения диалогового партнерства АСЕАН – США, как и отношения АСЕАН – ЕС, были установлены в 1977 г. В 2015 г. на саммите АСЕАН – США в Куала-Лумпуре эти отношения были возведены в ранг стратегического партнерства.

В рамках американского «разворота» в сторону АТР, провозглашенного в период второго президентского срока Барака Обамы, США уделяли повышенное внимание АСЕАН. К этому же времени относится и появление во внешней политике США новых стратегических линий взаимодействия с отдельными странами ассоциации. Так, например, Индонезия – крупнейшая региональная страна и крупнейшее демократическое мусульманское государство – представлялась Б. Обаме особенно важным партнером. Отношения с Вьетнамом после снятия в 2016 г. американского эмбарго на продажу Вьетнаму оружия также обрели новое качество и с экономической, и с военно-политической точек зрения. В Мьянме после передачи власти от военного режима гражданскому правительству (2010) состоялись встречи Барака Обамы и Хилари Клинтон с лидером мьянманского демократического движения Аун Сан Су Чжи, получившей в 2016 г. пост министра иностранных дел. В 2016 г. в г. Санниленд состоялся специальный саммит США и АСЕАН, который был призван еще раз подчеркнуть высокую значимость ассоциации для американской внешней политики в Азии.

Гораздо меньший интерес проявил к АСЕАН Дональд Трамп, чья политическая линия в отношении многих стран региона на протяжении первого года его президентства не была четко определена. Его основное внимание было сосредоточено в первую очередь на исправлении «асимметричности» в торгово-экономических отношениях с Китаем, достижении выгодных для США экономических договоренностей с Японией (уже вне рамок ТТП) и ядерной проблеме Корейского полуострова. Лишь в 2017 г., когда Д. Трамп, выступая на саммите АТЭС в г. Дананге, заявил о своей поддержке стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР), появилась возможность определить место ассоциации и в целом стран Юго-Восточной Азии в системе его внешнеполитических приоритетов.

Таким образом, в структурном плане отношения со странами АСЕАН для США вторичны по отношению к противостоянию с Китаем и стремлению выстроить геополитический контур его сдерживания с опорой на военно-стратегическую составляющую ИТР, а именно – на четырехсторонний диалог по вопросам безопасности США, Японии, Австралии и Индии (*англ.* Quadrilateral security dialogue, Quad), первоначально инициированный еще в 2007 г. Как следствие политика США с опорой на крупные державы существенным образом сужает пространство маневра для малых и средних стран Юго-Восточной Азии. Такая ситуация невыгодна для них и с экономической точки зрения, поскольку делает их заложниками ситуации, связанной с развитием американо-китайской торговой войны. Так, в начале 2018 г. показатели экономического роста стран Юго-Восточной Азии впервые за три года продемонстрировали тенденцию к снижению. В Сингапуре прирост ВВП снизился до 3,2% по сравнению с 3,9% в 2017 г., на Филиппинах – до 6,2% по сравнению с 6,7%, в Малайзии – до 4,7% по сравнению с 5,9%. На прежнем уровне (без существенного роста) остались показатели первой и второй экономик региона – Индонезии и Таиланда [Iwamoto, 2019].

С нормативной точки зрения концепция «свободного и открытого» ИТР также чревата возникновением целого ряда новых вызовов для стран АСЕАН. Американская версия этой концепции

(равно как и японская, австралийская или индийская) не выноси-лась на обсуждение ассоциации, несмотря на то что новая встреча возобновленного формата Quad прошла на полях саммитов АСЕАН и ВАС в Маниле в 2017 г. Более того, поскольку режимы подавляющего большинства стран региона не могут в полной мере квалифицироваться как демократические (а чаще всего характеризуются как гибридные или даже авторитарные), акцент, сделанный в американской концепции на «свободе» и «открытости», вызывает у них определенные вопросы касательно того, какое место им отведено в данной концепции.

В целом, оценивая трансрегиональные отношения США и АСЕАН, следует отметить, что, в отличие от отношений ассоциации и ЕС (при всех их проблемных аспектах), отношения ассоциации и США носят гораздо менее сбалансированный характер, а в последние годы все больше становятся производной от состояния американо-китайских отношений.

АСЕАН – Россия

Диалоговое партнерство России и АСЕАН было установлено в 1996 г. Вовлекая Россию в свои партнерские отношения, страны ассоциации рассчитывали, что она станет дополнительным фактором «уплотнения» регионального пространства. В политическом плане Россия в целом выполняла эту функцию (в особенности с точки зрения диверсификации военно-технического сотрудничества стран региона). Однако экономическая составляющая диалогового партнерства России и АСЕАН оставалась несопоставимой с уровнем экономического взаимодействия АСЕАН с Китаем, ЕС, США и целым рядом других диалоговых партнеров ассоциации.

Активизация политики России на азиатско-тихоокеанском направлении, начатая накануне проведения саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г., провозглашение политики «поворота на Восток», которая стала еще более актуальной после событий 2014 г. на Украине и введения санкций в отношении России со стороны США и ЕС, создали благоприятные условия для поиска дополнительных точек соприкосновения с АСЕАН. В 2018 г. на саммите России и АСЕАН в Сингапуре стороны приняли совместное заяв-

ление о придании их отношениям статуса стратегического партнерства.

Несмотря на относительную слабость экономической составляющей диалогового партнерства России и АСЕАН (к 2018 г. Россия стала восьмым торговым партнером ассоциации, десятым по величине источником прямых иностранных инвестиций, ее ежегодный вклад в Фонд диалогового партнерства составил 1,5 млн долл. [Overview., 2019]), оно тем не менее постепенно становится еще одной (помимо отношений с Китаем и Японией) опорой российского «поворота на Восток», пространством для выработки новых подходов к конструированию трансрегиональных отношений.

В концептуальном плане это партнерство пока мало проработано, однако уже сейчас можно выделить ряд принципиальных моментов, отличающих взаимодействие по линии Россия – АСЕАН от отношений АСЕАН – ЕС и АСЕАН – США. Основным отличием является то, что Россия и АСЕАН взаимодействуют не как донор и реципиент, их партнерство выстраивается на более равноправной основе, при всех плюсах и минусах такого подхода. Диалоговое партнерство ассоциации с Россией не строится по модели взаимодействия более сильной державы или группы стран с менее сильными странами, которым нормативно или в более жестком ключе навязывается определенная ролевая модель взаимоотношений. При этом в структурно-экономическом плане отношения России и АСЕАН не опираются в первую очередь на торговую или инвестиционную компоненту, что, несомненно, является их слабой стороной. Однако они включают в себя существенную инновационную составляющую (в области энергетики, медицины, информационно-коммуникационных технологий, технологического развития, реагирования на чрезвычайные ситуации), востребованность которой начнет возрастать по мере того, как страны АСЕАН будут сталкиваться с вызовами четвертой промышленной революции.

Существенный потенциал для выработки новой модели трансрегионального взаимодействия имеет идея партнерства Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ШОС и АСЕАН, предложенная президентом России В.В. Путиным лидерам стран ассоциации на юбилейном саммите Россия – АСЕАН в Сочи в 2016 г. Ее концептуализация и внедрение в практику международного

взаимодействия могли бы стать значимой альтернативой существующим, в особенности конфликтным или неравновесным, формам трансрегионализма. От того, смогут ли Россия и АСЕАН предложить более универсальные параметры трансрегионального взаимодействия, нежели другие международные игроки, зависит степень успешности их стратегического партнерства.

* * *

За период второй половины XX – начала XXI в. трансрегиональные форматы взаимодействия существенным образом эволюционировали и приобрели сложный и комплексный характер. Опыт ЕС и АСЕАН представляет два варианта трансрегионального взаимодействия, исторически наработанных «классическими» интеграционными объединениями. В первом случае речь идет о взаимодействии сильного центра со слабой периферией и региональными организациями, во втором – о взаимодействии группы малых и средних стран с сильными внешними игроками ради получения определенных политико-стратегических и экономических выгод.

В начале этого века гиперглобализация торговли и усиление нормативных противоречий в мировой системе привели к появлению трансрегиональных проектов нового типа (ТТИП, ТТП, инициатива «Один пояс и один путь»), которые способствуют усилению конкуренции в мировой системе и служат не инструментом согласования интересов разных региональных игроков, а инструментом влияния на малые и средние страны.

Данный тезис можно проиллюстрировать на примере трансрегиональных отношений АСЕАН с их «традиционными» партнерами (ЕС и США). В настоящее время эти отношения претерпевают определенные изменения, связанные с рядом структурных политэкономических и стратегических вызовов: трансформацией экономических систем международных игроков, изменением их стратегических приоритетов, требованиями четвертой промышленной революции. На этом фоне относительно новое по историческим меркам трансрегиональное партнерство с Россией и ЕАЭС могло бы стать для стран АСЕАН дополнительным страховочным звеном с политико-стратегической и экономической точек зрения, но в настоящее время это партнерство еще не проработано концептуально и носит скорее умозрительный, нежели практический характер.

Литература

Барановский В.Г. Новый миропорядок: Преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2019. – № 63 (5). – С. 7–23.

Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в мировой системе // Международные процессы. – М., 2006. – № 4 (3). – Режим доступа: <http://intertrends.ru/old/twelfth/001.htm> (Дата обращения – 18.07.2019).

Братерский М.В. Политические конфликты в условиях взаимозависимости: Новые формы внешней политики в XXI веке // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 1. – С. 15–33.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – М., 2012. – № 3 (2). – С. 30–58.

Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: Проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. – М., 2016. – № 7 (2). – С. 14–25.

Лавров С.В. Выступление на Российско-вьетнамской конференции клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – Хопшин, 2019. – 25.02. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vystuplenie-ministra-inostrannykh-del-rossii/> (Дата обращения – 18.07.2019).

Панов А.Н. Дипакадемии наконец повезло: Интервью // Международные процессы. – М., 2006. – № 4 (3). – Режим доступа: <http://intertrends.ru/old/twelfth/009.htm> (Дата обращения – 18.07.2019).

Acharya A. The end of American world order. – Cambridge: Polity, 2015. – 96 p.

Blue Book 2018: EU – ASEAN cooperation / European Commission. – Brussels, 2018. – 28 p. – Mode of access: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/eu-asean-bluebook-2018_en_1.pdf (Date of access – 18.07.2019).

Buzan B., Weaver O. Regions and powers: The structure of international security. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 598 p.

Fact sheets on the European Union: Southeast Asia / European Parliament. – Brussels, 2019. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/183/southeast-asia> (Date of access – 18.07.2019).

Godement F., Vasselier A. China at the gates: A new power audit of EU – China relations. – London: ECFR, 2017. – 116 p.

He J. Normative power in the EU and ASEAN: Why they diverge // International Studies Review. – Oxford: Oxford univ. press, 2016. – Vol. 18, Issue 1. – P. 92–105.

Iwamoto K. Southeast Asia feels the punch // Asian Review. – Tokyo, 2019. – 25.02–03.03. – P. 42.

Ng Jefferson. EU's Palm oil challenge: How should Singapore respond? // RSIS. – Singapore, 2019. – 10.05. – 3 p. – Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/05/CO19093.pdf> (Date of access – 18.07.2019).

Ng Joel. The quadrilateral conundrum: Can ASEAN be persuaded? // RSIS. – Singapore, 2018. – 17.07. – 3 p. – Mode of access: <http://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/07/CO18120.pdf> (Date of access – 18.07.2019).

Overview of ASEAN-Russia dialogue relations / ASEAN. – Jakarta, 2019. – 5 p. – Mode of access: <https://asean.org/storage/2012/05/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-January-2019..pdf> (Date of access – 18.07.2019).

Power shifts and new blocs in the global trading system / S. Baru, S. Dogra (Eds.). – Abington: Routledge, 2015. – 152 p.

The regional world order: Transregionalism, regional integration, and regional projects across Europe and Asia / A.D. Voskressenski, B. Koller (Eds.). – N.Y.; L.: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. – 242 p.

The State of Southeast Asia: 2019 survey report / ISEAS. – Singapore, 2019. – 40 p. – Mode of access: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf (Date of access – 18.07.2019).

DOI: 10.31249/ape/2020.01.07

Kolduniva E.V.¹ ©, 2020
***Dilemmas and contradictions of ASEAN'S
transregional relations with the EU,
the USA and RUSSIA²***

Abstract. *The article analyses three directions of transregional relations (ASEAN – EU, ASEAN – US, and ASEAN – Russia). The ASEAN-EU dialogue partnership has been developing since the late 1970 s. It represents one of*

¹ Koldunova Ekaterina Valerievna – Ph.D. in political sciences, associate professor, Department of Asian and African studies, senior expert, ASEAN Centre, MGIMO University (e.koldunova@inno.mgimo.ru).

² This article was carried out as part of the project of the Russian Science Fund N 19-18-00142.

the first examples of transregional relations between the integration blocks. The USA is a traditional military-political and economic partner of five founding members of ASEAN. Against this background Russia – ASEAN relationship represents a relatively new phenomenon (Russia became ASEAN's dialogue partner only in 1996). However, as the article argues, ASEAN's transregional relations with its «traditional» partners (the EU and the USA) are facing now several political, economic, strategic and normative challenges. These challenges arise from the ongoing and eventual structural changes in the economic systems of the EU, ASEAN and the USA. They also originate from the reassessment of the EU as the main reference model for the integrational development as well as from normative contradictions between the EU, the USA and ASEAN in the international affairs. Hyper dependency of ASEAN – US relations on the state of Sino-American relations also represents one of the key challenges. A nascent ASEAN's partnership with Russia could help to overcome these challenges. Its fundamental difference from the above-mentioned relations is that Russia and ASEAN do not communicate as donor and recipient. Russia as a bigger power does not impose on ASEAN any role model of behavior. However to help mitigate the contemporary challenges this partnership needs a comprehensive conceptual and practical developmental and this work is to be done by both parties concerned.

Keywords: transregionalism, EU, USA, ASEAN, Russia, «turn to the East».

References

Acharya A. (2015). The end of American world order. – Cambridge: Polity. – 96 p.

Baranovsky V.G. (2019). New international order: Overcoming or transforming the existing pattern? [*Novyi miroponyadok: Preodolenie starogo ili ego transformatsiya?*] // World economy and international relations / RAS. IMEMO. – Moscow. – Vol. 63, Issue 5. – P. 7–23.

Blue Book 2018: EU – ASEAN cooperation. (2018) / European Commission. – Brussels. – 28 p. – Mode of access: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/eu-asean-bluebook-2018_en_1.pdf (Date of access – 18.07.2019).

Bogaturov A.D. (2006). Leadership and decentralization in the world system [*Liderstvo i detsentralizatsiya v mirovoi sisteme*] // International Trends. – Moscow. – Vol. 4, Issue 3. – Mode of access: <http://intertrends.ru/old/twelfth/001.htm> (Date of access – 18.07.2019).

Bratersky M.V. (2017). Political conflicts in the context of interdependence: New forms of foreign policy in the XXIst century [*Politicheskie konflikty v usloviyakh vzaimozavisimosti: Novye formy vneshnei politiki v XXI veke*] // Urgent problems of Europe / RAS. INION. – Moscow. – Vol. 1. – P. 15–33.

Buzan B., Weaver O. (2003). Regions and powers: The structure of international security. – Cambridge: Cambridge univ. press. – 598 p.

Fact sheets on the European Union: Southeast Asia. (2019) / European Parliament. – Brussels. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/183/southeast-asiaf> (Date of access – 18.07.2019).

Godement F., Vasselier A. (2017). China at the gates: A new power audit of EU – China relations. – London: ECFR. – 116 p.

He J. (2016). Normative power in the EU and ASEAN: Why they diverge // International Studies Review. – Oxford: Oxford univ. press. – Vol. 18, Issue 1. – P. 92–105.

Iwamoto K. (2019). Southeast Asia feels the punch // Asian Review. – Tokyo. – 25.02–03.03. – P. 42.

Kuznetsov D.A. (2016). The phenomenon of transregionalism: Problems of terminology and conceptualization [*Fenomen transregionalizma: Problemy terminologii i kontseptualizatsii*] // Comparative Politics. – Moscow. – Vol. 7, Issue 2. – P. 14–25.

Lavrov S.V. (2019). Speech at the Russian-Vietnamese conference of the Valdai Club [*Vystuplenie na Rossiisko-v'etnamskoi konferentsii Kluba «Valdai»*] // Valdai Club. – Ho Chi Minh. – 25.02. – Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vystuplenie-ministra-inostrannykh-del-rossii/> (Date of access – 18.07.2019).

Ng Jefferson. (2019). EU's Palm oil challenge: How should Singapore respond? // RSIS. – Singapore. – 10.05. – 3 p. – Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/05/CO19093.pdf> (Date of access – 18.07.2019).

Ng Joel. (2018). The quadrilateral conundrum: Can ASEAN be persuaded? // RSIS. – Singapore. – 17.07. – 3 p. – Mode of access: <http://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/07/CO18120.pdf> (Date of access – 18.07.2019).

Overview of ASEAN-Russia dialogue relations. (2019) / ASEAN. – Jakarta. – 5 p. – Mode of access: <https://asean.org/storage/2012/05/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-January-2019..pdf> (Date of access – 18.07.2019).

Panov A.N. (2006). Diplomatic Academy finally lucky: Interview [*Dip-akademii, nakonets, povezlo: Inter'o'yu*] // International Trends. – Moscow. –

Vol. 4, Issue 3. – Mode of access: <http://intertrends.ru/old/twelfth/009.htm> (Date of access – 18.07.2019).

Power shifts and new blocs in the global trading system. (2015) / S. Baru, S. Dogra (Eds.). – Abington: Routledge. – 152 p.

The regional world order: Transregionalism, regional integration, and regional projects across Europe and Asia. (2019) / A.D. Voskressenski, B. Koller (Eds.). – New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books. – 242 p.

The State of Southeast Asia: 2019 survey report. (2019) / ISEAS. – Singapore. – 40 p. – Mode of access: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf (Date of access – 18.07.2019).

Voskresensky A.D. (2012). Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary international relations [*Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh*] // Comparative Politics. – Moscow. – Vol. 3, Issue 2. – P. 30–58.